

контраст Толстому в их отношении к смерти. Поэтому у Бунина отношение к смерти драматически сложно. В его мире проходит напряжение между несколькими взаимоисключающими истинами.

Один круг противоречий заключается в том, что человек самым глубоким, внелогическим знанием (тем знанием, которым каждый сущий просто *знает*, что он есть) *знает*, что он смертен, и точно так же *знает*, что он бессмертен. «Радостно и трепетно» причастный ко Всему, он вечен, ибо, «невзирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и... эта душа бессмертна» (6, 26), ибо «даже в смерть быка отказывается верить сердце...» (5, 330). Но с рождения человек несет в себе чувство смерти. Как же согласовать это: «*Я всю жизнь живу под знаком смерти — и все-таки всю жизнь чувствую, будто я никогда не умру*»? (5, 301. Курсив мой. — О.С.).

Заметим, что современная наука выдвинула гипотезу, объясняющую подобное самоощущение личности. Согласно ей жизнь существует в двух формах: кроме белково-нуклеиновой, которая конечна, возможна и полевая, которая обладает бессмертием.<sup>7</sup> Поскольку человек в свернутом виде — вся Вселенная, то, согласно этой гипотезе, обе формы жизни воплощаются и в человеке. Однако разные индивидуумы, как на это неоднократно указывал и Бунин, ощущают это совсем не в равной степени. Человек Бунина таков, что обладает повышенной восприимчивостью к жизни, а значит, и к двум противоречивым ощущениям смерти. Отношение самого Бунина к факту собственной смертности зафиксировано В. Н. Муромцевой: «Ян верит в бессмертие сознания, но не своего я»;<sup>8</sup> «Ян верит, что существует нечто выше нас, но после смерти не будет личного воскресения, хотя он страстно желал бы этого. — „Ведь я не верю в смерть”».<sup>9</sup>

Тем же знанием, которым человек *знает* о своем бессмертии, он *знает*, что и природа бессмертна. Она беспрестанно воспроизводит жизнь, нескончаемую, как звон ночных цикад, и несметную, как мириады существ, населяющих мировой океан. Но столь же непреложно человек знает, что и в мироздании все конечно, все уходит в небытие. Проблема и трагедия человека в том, что и его смертность, и его бессмертие не гармонизированы со смертностью и бессмертием природы. Природа бессмертна, а я — одновременно! — и смертен, и бессмертен, ибо я и заключен в оболочке своего личного существования, и включаю в себя все бытие. Из дневниковой записи Бунина: «Раннее осеннее альпийское утро, и звонят, зовут к обедне в соседнем горном городке. Горная тишина и свежесть и этот певучий средневековый звон — все то же, что и тысячу, пятьсот лет тому назад, в дни рыцарей, пап, королей, монахов. И меня не было в те дни, хотя вся моя душа полна очарованием их древней жизни и чувством, что это часть и моей собственной давней, прошлой жизни. И меня опять не будет — и очень, очень скоро — а колокол все так же будет звать еще тысячу лет новых, неведомых мне людей».<sup>10</sup>

<sup>7</sup> См.: «...с точки зрения космопланетарной жизни смерти нет, а есть только переход от одной формы жизни к другой... с точки зрения планетарной жизни человека смерть для него — это жестокая реальность. В этом противоречии и заключен высший смысл антиномичности природы и мира, в соответствии с которым можно сказать, что человек смертен и бессмертен одновременно, подобно тому как справедливы утверждения, что мир конечен и бесконечен в пространстве и времени, что... электрон есть волна и частица и т. д.» (Александров И. А. Космический феномен человека. Человек в антропном мире. М.: АГАР, 1999. С. 182. О «конце белково-нуклеинового шовинизма» см.: Самохвалова В. И. Человек и мир: проблема антропоцентризма // Философские науки. 1992. № 3. С. 161—163).

<sup>8</sup> Устами Буниных. Т. 2. С. 108.

<sup>9</sup> Там же. С. 138.

<sup>10</sup> Там же. С. 118.